

не обворована, и всё сокровища ея остались неприкосновенными.

Дѣйствительно, если даже въ наше время бываютъ случаи грабежа разныхъ драгоценностей изъ могилы, то древнія могилы въ этомъ отношеніи уже давно расхищены. Пирамиды же и другія египетскія могилы подвергались расхищенію даже со стороны самихъ древнихъ египтянъ въ эпохи политическихъ переворотовъ. Завоеваніе Египта чужеземнымъ народомъ всегда сопровождалось тщательнымъ обшариваніемъ древнихъ гробницъ. Но открытая Дэвисомъ могила избѣжала этой судьбы.

Она оказалась переполненною отъ одного конца до другого сохранившеюся въ цѣлости роскошнѣйшею утварью древняго Египта. Саркофаги для мумій, украшенные золотыми инкрустаціями, изящной формы алебастровые сосуды, кресла и ящички, блестящія краскою и позолотой, даже колесница для катанья съ ея шестиспичными колесами, обтянутыми шиною изъ дерева,—все это лежало нагроможденнымъ одно на другое въ поразительномъ обиліи. Потребовалось нѣсколько дней прежде, чѣмъ компанія изслѣдователей могла привести въ извѣстность всю груду сокровищъ, заключавшихся въ найденной гробницѣ».

Мы не будемъ подробно описывать всё найденные въ помянутой гробницѣ предметы, но ограничимся описаніемъ египетскаго символа воскресенія мертвыхъ.

Всѣхъ ученыхъ одинаково удивляло то обстоятельство, что въ египетскихъ гробницахъ всегда находили зерна пшеницы. Съ теченіемъ времени удалось при чтеніи іероглифическихъ надписей найти смыслъ существованія въ египетскихъ гробницахъ пшеничныхъ зеренъ. У египтянъ былъ обычай полагать въ гробницы, на ряду съ множествомъ другихъ предметовъ, еще такъ называемое «ложе бога Озириса». Въ гробницѣ, открытой Дэвисомъ, ложе Озириса сохранилось въ неприкосновенности.

Это коверъ, сплетенный изъ пальмовыхъ штей. На него посыпана мягкая черноземная земля небольшимъ пластомъ. На ней изображена фигура Озириса, верховнаго египетскаго божества, въ которомъ египтяне видѣли покровителя земледѣлія. На черноземную землю египтяне бросали пшеничныя зерна. Въ зеленой озими, которая выростала изъ нихъ, они видѣли символъ и залогъ воскресенія. Эти озими они оставляли расти въ закрытомъ со всѣхъ сторонъ помѣщеніи гробницы, которую запечатывали царскою печатью.

Д-й.

VI.

Всенощное бдѣніе въ пастырскихъ поученіяхъ *).

Послѣ того, какъ пропоютъ положенныя стихиры на Господи воззвахъ, когда говорится—слава Отцу и Сыну

и Святому Духу, и нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, поются стихи Богородичныя, въ которыхъ, въ воскресные дни, говорится о чудномъ воплощеніи, или рожденіи Сына Божія отъ Пресвятыя Дѣвы Маріи. Во время пѣнія богородичныхъ, или стихиръ послѣ и нынѣ и присно..., выходитъ священникъ изъ алтаря сѣвренюю дверью, и потомъ опять входитъ въ алтарь чрезъ царскія двери. Это явленіе служителя алтаря напоминаетъ пришествіе Спасителя въ міръ съ цѣлію явить намъ въ Себѣ Бога Отца невидимаго, а потомъ вшествіе въ алтарь чрезъ царскія двери, напоминаетъ, что чрезъ Иисуса Христа мы получили доступъ къ царству небесному. Господь говорилъ своимъ ученикамъ: *иду приготовить мѣсто вамъ.* (Іоан. 14, 3). При входѣ въ царскія двери священникъ или діаконъ, возглашаетъ: премудрость, прости! Это значитъ, какъ здѣсь, такъ и вездѣ, гдѣ мы слышимъ такія слова, что послѣ такихъ возглашеній предстоить что-либо важное; а потому мы должны быть просты, т. е. отложить всё думы житейскія, изгнать изъ сердца грѣхи, наполняющія тревогою наше сердце—злону, зависть, ненависть, осужденіе, и др., отогнать все и устремиться съ особеннымъ вниманіемъ слушать премудрость. Дѣйствительно, пѣснь, которая поется послѣ этого возглашенія, заслуживаетъ особаго вниманія. «Иисусе Христе! тихій свѣтъ святой славы безсмертнаго, Отца, небеснаго, святаго, блаженнаго! Мы, дождавшись солнечнаго заката, смотря на свѣтъ вечерній (который неярко, но успокоительно дѣйствуетъ на зрѣніе), поемъ Отца и Сына и Святаго Духа. Ты Сынъ Божій, дающій жизнь, достоинъ того, чтобы Тебя воспѣвали во всё времена гласами неподобныхъ; потому весь міръ, вся вселенная, Тебя славить». Послѣ того опять возглашается: *вонемъ, будемъ внимательны, міръ всѣмъ, т. е. будьте всё въ мірѣ и душевномъ спокойствіи, предстоить премудрость, заслуживающая особаго нашего вниманія. Тутъ поется небольшой стихъ, который называется—прокимень, по-русски значить—напередъ лежащій стихъ, который поется предъ чтеніемъ священнаго писанія—Евангелія, апостола, паримій. Послѣ прокимна, въ праздники, произносятся париміи, по-русски притчи, или чтенія изъ священнаго писанія ветхаго и новаго завета. Когда мы слышимъ пѣснь—Свѣте тихій..., тогда мы должны припомнить всю кротость (Іс. 42, 1, 2, 3), всю снисходительность къ намъ грѣшнымъ нашего возлюбленнаго Спасителя. Онъ свѣтъ міра (Іоан. 1, 5; 8, 12; 9, 5; 12, 36), но міръ Его не позналъ (Іоан. 1, 10), міръ Его не возлюбилъ, полюбилъ же лучше тьму пороковъ и беззаконій (Іоан. 3, 19); но Онъ не каралъ этихъ любителей свѣта, Онъ тихо сзывалъ всѣхъ къ примиренію съ Богомъ, къ блаженной жизни свѣта. Онъ есть Царь царей, но не имѣлъ гдѣ главы преклонить (Мате. 3, 20). Онъ есть*

**) Продолженіе см. № 9 «Сар. Дух. В.»

святыхъ святѣйшее Слово, но не возгнушался пребывать съ грѣшниками мытарями и блудницами (Матѳ. 9, 10, 11). О! сколько любви, сколько неизяснимой снисходительности явилъ къ намъ Господь! Какимъ гласомъ мы воспоемъ Ему, возвеличимъ и прославимъ Его? Какимъ чувствомъ возблагодаримъ Его? Какой умъ, неосвященный особеннымъ благодатнымъ свѣтомъ, можетъ сложить пѣсни для изображенія Его неизглаголанной любви къ намъ? Мы ли грѣшныя можемъ сложить пѣснь къ прославленію милосердаго къ намъ Господа Иисуса Христа? Нѣтъ, мы лучше будемъ со вниманіемъ слушать и изучать пѣсни сложенныя богодухновенными отцами церкви, станемъ усвоить ихъ себѣ умомъ и сердцемъ, станемъ чаще услаждаться ими въ храмѣ и дома въ своихъ семьяхъ! Апостолъ повѣлываетъ христіанамъ: «Исполняйте Духомъ, назидавая самихъ себя псалмами и славословіями, и пѣснопѣвными духовными, поя и воспѣвая въ сердцахъ вашихъ Господу (Еф. 5, 18, 19). Аминь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Протоіерей *Николай Русановъ*.

II.

Къ вопросу о воспитаніи русскаго народнаго характера. *)

Давно подмѣчена еще нашимъ древнимъ лѣтописцемъ, если не св. княземъ Владиміромъ, наклонность русскаго народа къ пьянству. Что сказать объ этой наклонности, кромѣ того, что она очень дурна и пагубна. Въ этомъ отношеніи и здравый разумъ, и исторія, и слово Божіе вполне согласны. Споры немыслимы. Нужно, только, какъ говорятъ, признать самый фактъ существованія этой наклонности въ русскомъ народѣ и по сіе время. А этотъ фактъ, кажется, не подлежитъ сомнѣнію. Правда, нѣкоторые писатели увѣряютъ насъ, что русскій народъ въ этомъ отношеніи не хуже другихъ народовъ; статистика доказываетъ, что въ Россіи употребляется спиртныхъ напитковъ не болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Но можно ли довѣрять этой статистикѣ, когда фактъ предъ глазами у всѣхъ на лицо? Да и можно ли извинять какія бы то ни было дурныя привычки народа тѣмъ, что такія же привычки есть и у другихъ народовъ? Ясное дѣло, что нельзя. Вотъ, такимъ образомъ, черта въ народномъ характерѣ, требующая искорененія. А вотъ и еще примѣръ. Весьмъ извѣстна привычка русскаго народа къ сквернословію. Слово Божіе, учащее насъ обузданію языка и запрещающее произносить не только гнилыя, но и праздыя слова, строго осуждаетъ эту привычку. Здравый смыслъ требуетъ только небольшого напряженія, чтобы признать эту привычку далеко

не безразличною, весьма пагубною и зловредною. Достаточно указать на то, какъ и указываютъ, что наши дѣти, благодаря именно этой дурной привычкѣ русскаго народа, съ самыхъ раннихъ лѣтъ знакомятся съ такими мерзостями, о которыхъ «срамно есть и глаголати». А кто въ состояніи измѣрить всю ширину и глубину нравственнаго и общественнаго зла, которое вытекаетъ отсюда? Да, зло громадное. Нужна, значитъ, борьба съ нимъ. Но возможно ли надѣяться на успѣхъ, когда русская церковь тысячу лѣтъ почти борется съ этимъ зломъ и почти безуспѣшно? Можно, кажется, прійти въ отчаяніе, когда, напр., слышишь сквернословіе не только на дорогахъ, площадяхъ и улицахъ, а даже въ тѣхъ домахъ русскаго престоноародья, гдѣ на стѣнахъ красуются на ряду съ картинами Страшнаго Суда Божія печатныя поученія противъ сквернословія и т. п. Намъ думается, что успѣхъ въ борьбѣ возможенъ только тогда, когда на помощь церкви придетъ гражданское правительство, какъ это не разъ бывало въ нашей исторіи и прежде. Отчего бы, въ самомъ дѣлѣ, не наложить соответствующую злу кару по крайней мѣрѣ за публичное сквернословіе? Прекрасное дѣло—мѣры гуманныя, мѣры убѣжденія; но что дѣлать, когда онѣ не дѣйствуютъ? Кому неизвѣстно, что при лѣченіи больныхъ, когда не дѣйствуютъ слабыя лѣкарства, употребляютъ лѣкарства болѣе сильныя, а иногда прибѣгаютъ и къ кровавымъ операціямъ? *).

Давно подмѣчена также въ русскомъ человѣкѣ наклонность къ лѣни и недостатокъ дѣятельнаго трудолюбія. Еще про древнихъ своихъ богатырей русскій народъ, съ далеко непохвальнымъ восторгомъ, говоритъ, что они сиднями сидятъ по десяткамъ лѣтъ. Этому нисколько не противорѣчитъ другая, также давно подмѣченная, черта въ его характерѣ, именно выносливость и терпѣніе. Трудолюбіе и терпѣніе, это—такія качества, которыя иногда сливаются до безразличія, но иногда расходятся до прямой противоположности, какъ это и бываетъ въ русскомъ народѣ. Пояснимъ это примѣромъ. Человѣкъ, который испытываетъ крайнюю матеріальную нужду и переноситъ ее совершенно равнодушно, безспорно, обнаруживаетъ выносливость и терпѣніе, но обнаруживаетъ ли онъ трудолюбіе, если иногда онъ и пальцемъ не хочетъ двинуть для того, чтобы сбросить съ себя иго гнетущей бѣдности? Конечно нѣтъ. А такъ и бываетъ часто съ русскимъ человѣкомъ. Особенно недостаетъ у него настойчивости и дѣятельнаго трудолюбія для преслѣдованія и достиженія цѣлей и ближайшихъ, но болѣе или менѣе отдаленныхъ и въ тоже время весьма важныхъ, гдѣ осо-

*) Конечно, такъ. Но это одна сторона дѣла. Самую серьезную помощь церкви можетъ оказать школа христіанская, и только она одна. Почему не дѣйствуютъ мѣры гуманныя, мѣры убѣжденія?—Потому, что человѣкъ не воспитанъ такъ, чтобы воспринимать эти мѣры. Нужно воспитаніе, и прежде всего школьное воспитаніе и обученіе народа, и тогда мѣры гуманныя будутъ дѣйствительныя. *Ред.*

*) Окончаніе, см. № 9 „Сарат. Дух. Вѣ.“